

Жун Фэн вымылся довольно быстро и с ещё влажными волосами вошёл в главную комнату. Он увидел, как юный ланьцзюнь, опустившись на колени позади его матери, сосредоточенно и аккуратно расчёсывает ей волосы. Руки у него были ловкие, не то что у самого Жун Фэна: всякий раз, когда он брался причёсывать мать, получалось неловко и неуклюже, так что серебрястые пряди в конце концов торчали в беспорядке.

Следуя словам матери Жун, Бянь Хун уложил её волосы в строгий, опрятный пучок и закрепил его серебряной шпилькой. Причёска была необычной, не из тех, что часто увидишь, но очень красивой. Мать Жун протянула руку, нащупала пучок и осталась весьма довольна.

— Вот уж у кого руки золотые, куда тебе, Сяо Фэн, — с улыбкой сказала она. — Сяо Фэн, поди сюда, помоги матери надеть новое платье.

Жун Фэн, стоявший у двери, вошёл, тряхнул головой, стряхивая капли воды, и протянул сильные руки, помогая матери подняться. Новая одежда была яркой, свежей и удивительно шла ей - сегодня мать Жун выглядела заметно лучше.

Долго они в комнате не задержались: старушка велела им идти отдыхать, а сама достала почти не выпускаемые из рук иголку с ниткой и, на ощупь перебирая только что купленную вату, принялась за работу.

— Мам, уже ночь, — сказал Жун Фэн. — Давай завтра продолжишь.

Мать Жун лишь улыбнулась:

— В таком возрасте сна мало, всё равно не спится. Да и что для меня день, что ночь, разве есть разница? Я ведь на ощупь работаю, в темноте у меня сноровка такая, что другим и не угнаться.

Потерпев поражение, Жун Фэну оставалось лишь выйти вместе с Бянь Хуном.

По дороге на кухню Бянь Хун всё время поглядывал на спину идущего впереди мужчины, вспоминая слова матери Жун, и в душе у него рождалось какое-то новое, непривычное чувство. Каждому человеку в этом мире приходится жить нелегко.

— Ты мойся.

На кухне мужчина так и не осмелился поднять глаза на Бянь Хуна, который снимал одежду, чтобы залезть в купальную бадью. Он молча долил в чан чистой воды, подбросил дров в очаг и, бросив эту фразу, поспешно вышел, направившись к себе.

Бянь Хун хотел было спросить, как обстоят дела с ожогом на его бедре, но, глядя на его быстрый, почти торопливый шаг, понял: должно быть, рана уже почти зажила.

Пар поднимался густыми клубами, тусклый огонёк лампы в комнате был величиной с боб, вокруг царила тишина и полумрак. Он поднял ногу и, обнажённый, ступил в горячую воду, медленно опускаясь, пока всё тело не оказалось погружено в неё.

Вздрыгнув от резкой разницы температур, Бянь Хун глубоко, протяжно выдохнул. Древесно-травяной аромат мыльных орехов окутал его со всех сторон. Он закрыл глаза и откинул голову, ресницы едва заметно дрогнули.

Спустя мгновение он протянул руку, коснулся заострившегося подбородка, отчётливо проступающих рёбер, шрамов от клинков и копий на груди и животе - давно заживших, но никуда не исчезнувших. Сейчас он был похож на путника, давно не знавшего покоя, который наконец смывает с себя дорожную пыль.

И в то время, как Бянь Хун в горячей воде в одиночестве растворял собственные чувства и мысли, Жун Фэн, войдя в комнату, сразу увидел Юаньдина: тот стоял под масляной лампой у шкафа, с обиженным, почти зловещим выражением лица и надутыми губами - прямо маленький бесёнок.

Подняв взгляд, Жун Фэн заметил, что младший уже спит. Он не слишком хорошо понимал детские переживания, но, чувствуя, как Юаньдин не сводит с него глаз, всё же заговорил первым.

— Что, проголодался? — других причин Жун Фэну в голову почти не приходило, и эта казалась ему самой вероятной.

Но Юаньдин покачал головой и, наоборот, поманил его к себе маленькой рукой:

— Подойди.

И вот они - большой и маленький - стоят друг напротив друга под тихо потрескивающим светом масляной лампы, глядя друг другу в глаза. Только теперь, подойдя ближе, Жун Фэн разглядел: ребёнок будто недавно плакал - глаза ещё влажные, нос покрасневший.

И всё же, с видом предельно серьёзным, даже немного мрачным, Юаньдин произнёс фразу, от которой у Жун Фэна похолодела кожа на голове:

— Я скоро умру.

— Что?! — Жун Фэн решил, что ослышался, и от неожиданности повысил голос.

Юаньдин тут же нахмурился и замахал руками:

— Тише! Не дай брату Си услышать. Я не хочу, чтобы он снова расстраивался. Он больше не должен расстраиваться.

Он знал: на дороге бегства, в те бесчисленные ночи, когда не удавалось уснуть, брат Си часто дрожал всем телом, одежда его была почти насквозь мокрой от холодного пота. Тогда Юаньдин изо всех сил прижимался к нему, обнимал, хоть немного, но стараясь облегчить его боль.

— Ты... тсс... ты... — Жун Фэн был из тех, у кого действие опережает слова. Он сразу присел на корточки, схватил Юаньдина за запястье и, нащупав пульс, долго и внимательно его прощупывал. Пусть он и не владел настоящим лекарским искусством, но кое-чему его всё же учил наставник, и по пульсу он мог в общих чертах судить о состоянии тела.

А пульс у ребёнка был сильный, частый, живой, бился, словно у юркой пташки, «тук-тук-тук». Основа здоровья была немного подорвана, но возраст ещё мал: стоит лишь нормально есть и жить в тепле, и за несколько лет всё восстановится.

Жун Фэн с облегчением выдохнул, а затем приподнял бровь и посмотрел на мальчика. Ему требовалось объяснение. Иначе... он кое-что понимал и в кулаках.

— Я знаю, что скоро умру, — серьёзно продолжил Юаньдин. — Раньше тётка Чжао, что жила через дом от нас, так же умерла от болезни. Но перед тем как уйти, у меня есть несколько слов, которые я должен тебе сказать.

И тут Юаньдин уже не называл его «старшим братом», а обращался просто на «ты», к мужчине, который был намного старше его и был мужем его брата Си.

— Если меня не станет, брату Си и Гуаньбао будет очень больно. Я надеюсь, что ты сможешь мне позаботиться о брате Си, ему ведь и так нелегко. Раз уж он уже вышел за тебя, то как мужчина ты должен взять на себя мужскую ответственность. Разве не так?

От этих слов Жун Фэн на мгновение остолбенел. Ему и в голову не приходило, что у ребёнка, которому на вид едва ли пять-шесть лет, может быть такой глубокий, тревожный и взрослый внутренний мир.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Семь, — машинально ответил Юаньдин, но тут же нахмурился, явно раздражённый тем, что его перебили.

— Ай, да не в этом дело! — нетерпеливо отмахнулся он. — Ты должен всю жизнь хорошо относиться к брату Си, заботиться о нём. Ты сможешь это сделать или нет?

Эти слова лишили Жун Фэна дара речи. Он хотел согласиться, но не находил слов. Отказать же

ему казалось и вовсе невозможным.

Но, подойдя ближе, Жун Фэн заметил: в уголке детских губ и впрямь проступает кровь. Он тут же отложил в сторону все мысли, которые этот мальчишка своими речами взбаламутил в его голове, и протянул руку, силой разжимая Юаньдину рот.

Юаньдин как раз с тревогой ждал ответа, а тут его вдруг бесцеремонно схватили и начали раздвигать губы. Он стал вырываться, но против силы Жун Фэна это было всё равно что муравью толкать дерево.

Наконец, при свете масляной лампы, Жун Фэн разглядел источник крови. У ребёнка выпал передний зуб.

— ...

Вот почему, значит, он только что говорил словно с присвистом: когда произносил «семь», Жун Фэн даже уловил, как ему в лицо слегка дунуло.

— Глупыш, от смены зубов не умирают.

Но Юаньдин больше не мог сдерживать страх и отчаяние, и разразился громким плачем:

— У-у-у... умирают! Тётка Чжао и папа... они оба умерли от моровой болезни, у них сначала все зубы выпали, а потом они умерли. И я... я тоже умру...

— Вырастут снова. Даже у волчат в горах зубы меняются один раз, чтобы потом отрастить более острые и рвать добычу.

— У-у... что?

С ним было бесполезно спорить. Жун Фэн вздохнул:

— Выпадут и вырастут новые. Тогда ты станешь взрослым.

Только услышав это, Юаньдин наконец перестал плакать.

— П-правда?

— Угу.

Детские чувства меняются стремительно. Он ещё несколько раз переспросил, а потом, сквозь слёзы, улыбнулся. Посидев на полу и поразмыслив, он всё же добавил:

— Если вырастут и я не умру, тогда, конечно, не нужно тебе защищать моего брата Си, я сам буду взрослым и сам справлюсь. Но если не вырастут... тогда уж, ничего не поделаешь, придётся поручить его тебе.

Жун Фэн посмотрел на этого ещё совсем маленького ребёнка, встретился с его полным ожидания взглядом и кивнул:

— Хорошо.

— Поклянись на мизинцах.

Жун Фэн молча протянул руку, широкую, но с длинными, на удивление соразмерными пальцами, и сцепил мизинец с мизинцем Юаньдина.

Это было мужское обещание.

А Бянь Хун, вернувшийся из горячей ванны в кухне, обо всём этом не знал. Лишь когда он забрался под одеяло, а Юаньдин, прижимая к себе уже уснувшего Гуаньбао, пробормотал: «Я хочу тебя обнять», Бянь Хун тихо удивился, протянул руку, осторожно приоткрыл мальчику губы и улыбнулся. Юаньдину уже семь лет - возраст, когда начинают меняться зубы. Время летит слишком быстро: ему до сих пор помнилось, как крестьянка только что родила, и лицо Юаньдина было сморщенным, как у маленького старичка.

— Зуб выпал? Ничего, — мягко сказал он. — Через несколько дней новый вырастет.

Юаньдин кивнул и больше ничего не сказал. Перед самым сном он всё же бросил взгляд в сторону Жун Фэна. Их взгляды встретились на мгновение, и оба с полным взаимным пониманием решили больше не возвращаться к тому, что произошло.

Затем в притихшем доме, после того как погасили масляную лампу, лишь оранжево-красное пламя в очаге, пробиваясь сквозь стенки печи, мерцало в темноте. Постель была чистой и сухой; Жун Фэн даже уловил тонкий аромат - смешанный с древесно-плодовым запахом мыльных орехов, едва различимый, неуловимый, словно тень запаха. Он чуть шевельнул носом и в конце концов повернулся на бок, в сторону юного ланьцзюня.

Неизвестно, устал ли тот от купания, но человек, которому обычно трудно было заснуть, сейчас дышал ровно и медленно, крепко спал. Жун Фэн тоже прикрыл глаза и под размеренное сопение Гуаньбао, в сопровождении этих тонких ароматных нитей, уснул.

Наутро в доме, благодаря очагу, ещё держалось тепло, особенно под одеялом, такое уютное,

что не хотелось вставать. Зато снаружи выпал сильный иней, щели в двери прихватило морозом, и Жун Фэну пришлось навалиться плечом, чтобы распахнуть её.

Как обычно, первым делом он направился в главную комнату взглянуть на мать. В главной комнате было теплее, чем в их спальне. Мать Жун спокойно лежала под одеялом, словно ещё не проснулась.

— Мама, вставай, скоро будем есть, — негромко позвал Жун Фэн.

Ответа не последовало.

— Мама?

— Мама!

Бянь Хун, находясь между сном и явью, услышав этот крик, вздрогнул, резко сел и, не успев даже надеть ватник, накинув лишь тонкую одежду и босиком, бросился в главную комнату.

Распахнув дверь, он увидел: Жун Фэн стоит на коленях на полу и с отчаянной сосредоточенностью нащупывает пульс на шее матери, проверяя снова и снова. Но в конце концов ему так и не удалось убедить себя в обратном, силы будто покинули его, и он бессильно опустил голову.

Мать Жун в постели была опрятна и собрана: тело вымыто накануне, волосы уложены в прежнюю причёску цзышу-ньюй, надета одежда, хранившаяся много лет. На её иссечённом временем лице застыла спокойная, удовлетворённая улыбка. Она всё устроила заранее, привела себя в порядок до последней мелочи и, не оставив после себя ни забот, ни сожалений, отправилась навстречу новому пути.

Более того, рядом с ней аккуратно лежали новые ватные куртки, сшитые ею в спешке: две большие и две маленькие, стежки плотные, швы перед дорогой прошиты особенно тщательно*. (ПП: аллюзия на известную строку из поэмы Мэн Цзяо «Странница». Мать, шьющая одежду сыну перед его отъездом, делает мелкие стежки, символизирующие её заботу и страх за его позднее возвращение.)

Бянь Хун застыл на месте. Он просто смотрел на покойную мать Жун - такую тихую, такую добрую, умиротворённую. Это не укладывалось в его прежние представления. В памяти всплывали друзья, погибшие под завалами во время землетрясения, рабочие, забитые до смерти надсмотрщиками на угольных разработках, крестьянки, умершие при тяжёлых родах, землелашцы, скончавшиеся от болезни, похожие на живых мертвецов, поля сражений, где трупы лежали рядами, а кровь текла рекой.

Но сейчас, глядя на мать Жун, он не видел ни жестокости, ни изломанных тел, ни кровавого

ужаса. Словно смерть была не катастрофой, а тихим и спокойным возвращением домой.

Человек приходит в мир с криком, а уходит в безмолвии.

<http://bllate.org/book/13502/1199904>